
В. И. МАЖУГА

**КОДЕКС XII в. С ТЕКСТОМ ДИГЕСТ LAT. 1
В СОБРАНИИ ОТДЕЛА РЕДКИХ КНИГ
НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ
ИМ. МАКСИМА ГОРЬКОГО СПБГУ**

Опыт локализации, определение заказчика и руки писца

1. Общая характеристика кодекса

Рукопись, о которой пойдет речь в статье, принадлежит, несомненно, к редким памятникам европейской культуры эпохи Средневековья. Авторитетнейший исследователь средневековых юридических рукописей Геро Долецалек насчитывает всего лишь до 200 списков памятников римского права, несущих черты учебного назначения, которые были созданы в период между 1100 и 1235 г.¹ Судя по наличию специальных помет, наш кодекс относится к их числу, хотя он, по-видимому, еще в конце XII в. оказался в таком месте, где его почти не использовали в учебных целях. Уже при первом знакомстве с кодексом время его создания может быть определено примерно 70-ми гг. XII в. Если принять во внимание еще и редкое для юридических рукописей того времени богатое орнаментальное оформление, а к тому же и наличие, несомненно, древнейшего списка комментария к последней главе Дигест, *De diversis regulis iuris antiqui*, составленного Булгаром (ум. ок. 1166), прямым учеником основоположника Болонской юридической школы Ирнерия (ум. между 1130 и 1140 г.), то уже этих общих наблюдений будет достаточно, чтобы рассматривать петербургский кодекс как редкий даже для мировых рукописных собраний памятник ученого права Средневековья. Некоторые особенности петербургского кодекса позво-

¹ *Dolezalek G. R. Raumgestaltung auf Blatträndern juristischer Studientexte im 12. Jahrhundert // Codex und Raum / hrsg. v. S. Müller, L. E. Saurma-Jeltsch und P. Strohschneider. Wiesbaden, 2009. S. 189.*

ляют предположить ряд обстоятельств его создания и первоначальной истории, которые делают его вдвойне интересным для исследователя, о чем мы и скажем ниже.

Видный исследователь рукописных памятников церковного права польский ученый Адам Ветулани познакомился с нашим кодексом во время своего пребывания в Ленинграде в 1964 г., а затем изучал его и по микрофильму. Результаты своего исследования он опубликовал в специальной, весьма содержательной статье². В частности, он отметил особые достоинства содержащегося в кодексе комментария Булгара, сопоставив его с другими списками, которые он изучил по микрофильмам, и указал на наличие глосс некоторых ведущих правоведов XII в. В настоящей работе мы попытаемся дополнить и уточнить наблюдения Ветулани.

Важное указание на раннее время создания нашей рукописи содержится, кроме того, в специальной работе Геро Долецалека о так называемых «красных значках», т. е. наборе знаков, в частности греческих букв, служивших у ранних итальянских правоведов-глоссаторов указанием на сходные выражения в пределах нескольких страниц, обычно не более шести. Располагались они ближе, чем другие пометы, к колонкам основного текста, и, хотя было принято выделять их красным цветом, все же нередко они выписывались обычными коричневыми, порою черными чернилами, что в полной мере относится к петербургской рукописи. Применение значков этого рода составляло особую часть работы над правовыми текстами, которая заключалась прежде всего в освоении специальной юридической лексики, хотя ученые юристы, расставлявшие эти значки, не упускали случая отметить словом *contra* в виде двух *s* с надстрочным штрихом-тильдой противоречия в общем смысле высказываний и положений, в которых соответствующие выражения были употреблены. Назначение прежде малопонятных для исследователей «красных значков» Долецалек раскрывает на примере оформления одной главы интересующей нас части Дигест (D.40.5) в 14 рукописях XII в., известных ему по микрофильмам. Сопоставляя материал этих рукописей, Долецалек отмечает, что они восходили к единому прототипу, содержавшему такие значки, но с течением времени число значков возрастало, и можно даже выделить особые по составу

² *Vetulani A. Un manuscrit du Digeste Neuf de Leningrade // Studi in onore di Giuseppe Grosso. Torino, 1972. Vol. V. P. 421–431.* Этой публикации предшествовало появление статьи М. Ф. Мурьянова о юридических рукописях Научной библиотеки ЛГУ, где дано краткое, добротное кодикологическое описание рассматриваемого кодекса: *Мурьянов М. Ф. Пять рукописей Корпуса Юстиниана в собрании Ленинградского университета // ВВ. 1967. Т. 27. С. 308–309.*

значков группы рукописей, петербургская же рукопись содержит наименьшее число значков³. Время наиболее активного использования системы «красных значков» Долецалек и его соавтор Вейганд определяют узкими рамками шестого и седьмого десятилетий XII в.⁴

Долецалек не упомянул, однако, какое редкое свидетельство заключает в себе наша рукопись как относительно самостоятельной работы над текстом с помощью «красных значков», так и касательно бережного отношения к подобной работе чтимых предшественников. На л. 167rb–167va и 179rb–193vb, где воспроизведен текст второй половины кн. XLVIII, последних глав кн. XLIX и начала кн. L *Digest*, мы обнаруживаем параллельный основному ряд «красных значков», помещенных на самом краю внешнего поля страницы либо предельно близко к сгибу тетради на внутреннем поле страницы. В отличие от основного ряда, где пространственное расположение одинаковых значков указывается обычным способом с помощью точек и штрихов, здесь ученый юрист, о котором еще скажем ниже, применил простейшее указание на предшествование — *a(n)te*, *s(upra)*- или последование: *i(n)fra*. Нетрудно заметить, что почти всюду в таких местах текст был слабо проработан предшественниками, о чем говорит наличие очень малого количества глосс в указанных частях рукописи. Оно же свидетельствует и о том, что сам наш ученый юрист здесь лишь подступал к проработке соответствующих глав *Digest*.

Рукопись Lat. 1 насчитывает 209 листов. В отличие от утвердившегося в Болонье XIII в. обычая составлять кодексы из квинионов, т. е. тетрадей в виде пяти двойных листов, наш кодекс составляют в основном тетради в четыре двойных листа. Но за первыми девятью такими тетрадями идет квинион, а далее тетрадь всего лишь из двух двойных листов. Несомненно, такой состав тетрадей был здесь продиктован тем, что переписка первых пяти книг *Digestum novum* (D.38–33) составила особый этап работы создателей кодекса. Переписчику оказалось невозможным разместить текст пяти книг в тетрадях обычного формата, так что на последней странице названной части рукописи, несмотря на новую комбинацию тетрадей, писец поместил лишь шесть строк одного столбца, оставив большую страницу пустой.

После некоторой паузы в работе и, очевидно, после обсуждения с заказчиком результатов его трудов над первой частью кодекса в начале новой части писец начал выводить буквы с более ровным и сильным

³ *Dolezalek G., Weigand R.* Das Geheimnis der roten Zeichen. Ein Beitrag zur Paläographie juristischer Handschriften des zwölften Jahrhunderts // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Kanonistische Abteilung*. 1983. Bd. 69. S. 143–199.

⁴ *Ibid.* S. 198.

нажимом и, подчиняясь условиям принятой тогда техники письма, стал невольно придавать вертикалям выраженный наклон вправо, как это характерно для немецких писцов того же времени (см. рис. 1; ср. ил. 1 и 3, цв. вкл.). В своем кодикологическом описании нашей рукописи М. Ф. Мурьянов даже выразил убеждение, что работу здесь продолжил другой писец⁵, но следует заметить, что, не переписав в таком стиле и трех кватернионов, наш писец постепенно, без какого-либо резкого зрительного контраста, вернулся к привычной манере письма. В целом же стиль письма основного текста с характерным штрихом в верхней части малых вертикалей можно было бы связать скорее с графическими традициями писцов французских земель, и его никак нельзя связать с традициями писцов Центральной Италии. Но подобные почерки можно встретить в некоторых центрах Северной Италии.

Когда в своей работе над второй частью кодекса писец заполнил текстом *Дигест* л. 154, по какой-то причине ему на смену пришел другой писец, по-видимому, старший по возрасту. Основной писец попытался возобновить свою работу уже на л. 157rb, но успел написать лишь последние на странице 19 строк, и только начиная с л. 191 ему удалось вернуться к переписыванию дальнейшего текста *Дигест*. Письмо второго писца отличается ровным нажимом и округлой, характерной именно для итальянских писцов, начальной частью вертикалей малых букв, а вместе с тем и легким наклоном влево. Отличает это письмо и местами наблюдаемое применение унциальной *s* на конце слов — обычай, отживший к последним десятилетиям XII в. Старомодной для последних десятилетий этого столетия чертой письменной графики следует считать и частое применение формы *e* с хвостиком-седилем, обозначающей дифтонг. Эти наблюдения дают лишнее основание к тому, чтобы датировать рукопись временем около 1170 г.

Показательно, что все особенно богато декорированные инициалы и орнаментальные украшения в кодексе приходятся на названную первую его часть (см. цв. вкл., ил. 1–4), где и в целом красочные инициалы встречаются намного чаще. Нет сомнений в том, что во время паузы в работе писца, как, вероятно, и иллюминатора, заказчик и исполнители успели пересмотреть вообще условия договора. Неслучайно, очевидно, и то, что в новой части рукописи ширина зеркала текста, как отметил Мурьянов, увеличилась на 10 мм. Первоначально зеркало основного текста, написанного в два столбца, имело пропорции 260 × 120 мм, но с л. 87 ширина зеркала была увеличена до 130 мм, его длина и число строк в столбцах (51) остались без изменений. Формат самого листа кодекса 370 × 230 мм, так что и во второй его части были оставлены

⁵ Мурьянов М. Ф. Пять рукописей ... С. 308.

достаточно широкие поля для глосс и пометок, но в первоначальном виде кодекс имел еще более широкие поля.

Ветулани, не приводя особых доводов, высказал предположение, что кодекс получил переплет, в котором он дошел до наших дней, уже в XIII в. Судя, однако, по отсутствию сколько-нибудь значительных помет XIII в., наш кодекс не удостоивался особого внимания в это столетие и главным образом потому, что хранился в таком месте, где оставался малодоступным ученым итальянским правоведам. Напротив, в XIV в. свободные нижние поля кодекса были заполнены — что особенно заинтересовало канониста Ветулани — записями судебных актов соборного капитула Бамберга, датированных временем с 1304 по 1364 г. Кодекс был заключен в новый переплет после внесения этих записей. Нож переплетчика безжалостно прошелся по записям достаточно пространных глосс XII в., которые для практикующих юристов XIV в. уже потеряли свою цену (см. рис. 1), но частично пострадали и концы некоторых строк в записях XIV в.

Благодаря новым возможностям, предоставляемым Интернетом, удалось установить, где именно действовал декан некоего капитула Григорий Стейнбрехер, скончавшийся в 1612 г., который, как гласит запись на форзаце, завещал своей церкви кодекс, ныне хранящийся в Петербурге. На сайте *Manuscripta iuridica* дана справка об этом лице в качестве прежнего владельца другого кодекса, ныне хранящегося в Архиве соборного капитула в Мерзебурге под № 66, а именно о том, что он был доктором римского и церковного права и деканом соборного капитула в Мерзебурге. Как указывает Долецак в формализованном описании нашего кодекса на том же сайте, позднее кодекс оказался в собрании лейпцигского профессора Христиана Готтлиба Хаубольда (1766–1824), одного из основоположников исторической школы римского права, а затем его ученика Карла Фридриха Христиана Венка (1784–1828). В составе библиотеки последнего он и был приобретен Петербургским университетом. Остается для нас, однако, неясным, в какое время кодекс получил шифр библиотеки Лейпцигской ратуши *Rep. II fol. 16*.

Ниже мы постараемся показать, что кодекс был создан, скорее всего, в Мантуе. Примерно в то время, с 1148 по 1168 г. и с 1177 по 1187 г., епископом Мантуи был Гарсендоний, известный сторонник Фридриха Барбароссы и противник папы Александра III (1151–1181). Исследователи предполагают его германское происхождение. Уже будучи поставлен во второй раз на кафедру Мантуи после своего смещения Александром III в 1168 г., он в качестве папского легата посещал в 1180 г. императора Фридриха в Регенсбурге. Не был ли он в качестве патрона юридической школы при соборном капитуле причастен к созданию кодекса, а кроме

того, и к его раннему перемещению в Бамберг, один из важнейших центров императорской власти в Германии? К сожалению, мы не можем пока даже сказать, насколько правомерно ставить такой вопрос.

Укажем еще на некоторые внешние характеристики нашего кодекса. Организация страницы в нашей рукописи полностью отвечает тому строгому канону, который был выработан в Болонье к середине XII в. Как отмечает Джузеппе Спечиале, для юридических рукописей XII в. характерно наличие прежде всего помет, называемых *notabilia* и *allegationes*⁶. Первые служили выделению наиболее значимых слов в комментируемом тексте, повторяя их, и располагались они в виде треугольников острым углом вниз близко к краю страницы, а вторые указывали в краткой форме на сходные или вступающие в противоречие с той или иной нормой места в Корпусе Юстиниана и располагались несколько отступя вправо⁷. В самом Юстиниановом законодательстве такого рода пометы рассматривались как единственно допустимые формы комментария. Следует, однако, отметить, что наш кодекс испещрен пометами второго рода и они чаще всего определяют облик его полей, тогда как *notabilia* встречаются много реже.

Объясняющие текст глоссы, обычно краткие, но нередко и довольно пространные, располагались во всю ширь поля по сторонам основного текста, а иногда в один, два или три столбца и на верхнем поле над текстом (см. рис. 1). В сравнении с юридическими рукописями рубежа XII–XIII вв. наш кодекс во многих своих частях беден такими глоссами, но иногда они заметно сгущаются, что отражало, как будет показано ниже, работу известных юристов над теми разделами Юстиниановых Дигест, которые их особенно интересовали. Как и для других ранних юридических рукописей, для нашего кодекса характерно наличие довольно многочисленных глосс между строками текста. Большинство этих глосс анонимны, но нередко снабжены в конце условным указанием на их автора. Учет авторских знаков при таких глоссах, наряду с другими наблюдениями, позволяет вынести важное суждение и о той, по всем данным утраченной рукописи, текст которой был воспроизведен в нашем кодексе.

2. Орнамента рукописи и вероятное место ее создания

Среди ранних юридических рукописей петербургский кодекс выделяется довольно богатой орнаментикой. В общей ее оценке мы можем опираться прежде всего на каталог хранящихся в Национальной

⁶ *Speciale G.* La memoria del diritto comune. Sulle tracce d'uso del Codex di Giustiniano (secoli XII–XV). Roma, 1994. P. 29–30.

⁷ *Dolezalek G. R.* Raumgestaltung auf Blatträndern ... S. 191, 193.

библиотеке Франции иллюминированных рукописей VI–XII вв. итальянского происхождения, составленный Франсуа Аврилем и Йолантой Залуска, и на содержащиеся в нем многочисленные воспроизведения из рукописей⁸. Важным пособием для нас является и фундаментальный труд Эдварда Гаррисона о книжной миниатюре Центральной Италии в XI–XII вв.⁹. Особое значение для нашего исследования имеет возможность познакомиться непосредственно на интернет-сайте *Manoscritti Polironiai* с цифровыми воспроизведениями большого числа рукописей из когда-то крупнейшего бенедиктинского монастыря Италии Сан Бенедетто ди Полироне, основанного в начале 1007 г. близ Мантуи и скоро достигшего процветания благодаря щедрой поддержке Матильды Каносской или, как принято ее называть в нашей отечественной традиции, Матильды Тосканской (1045/46–1115). До наших дней дошло около сотни рукописей XI–XII вв. из библиотеки этого монастыря, большинство из которых, по-видимому, было создано в его же скриптории. Не менее ценное пособие представляют и цифровые воспроизведения на сайте *Irnerio* рукописей старейшего в Европе университетского колледжума *Collegio di Spagna* в Болонье. Коллегиум был основан в 1364 г., но в его библиотеке было собрано немало более ранних рукописей, часть из которых предположительно имела болонское происхождение.

Два элемента декорированных инициалов в нашем кодексе заслуживают особого внимания. Во всех воспроизведенных на ил. 1–4 (см. цв. вкл.) инициалах с плетенкой присутствует такой мотив, как лента или кольцо, как бы скрепляющие элементы инициала. Обычно такая лента или кольцо декорированы небольшими кружками или продольными полосками. Вторым отличающим инициалы рукописи элементом является зеленый цвет, обычно светлого тона, но иногда для создания определенного художественного впечатления вводится и темно-зеленый.

Из подробных описаний итальянских иллюминированных рукописей XI–XII в., хранящихся в Национальной библиотеке Франции, следует, что первый из названных элементов встречается чаще в иллюминированных рукописях Северной, нежели Центральной Италии, а главное, примеры из Северной Италии в целом относятся к более раннему периоду, чем примеры из Центральной Италии, так что можно думать, в частности, о влиянии скрипториев итальянского Севера на скрипто-

⁸ Avril F., Zaluska Y. *Manuscrits enluminés d'origine italienne*. T. 1 : VIe–XIIe siècle. Paris, 1980.

⁹ Garrison E. B. *Studies in the history of Medieval Italian Painting*. Florence, 1953–1962. Vol. I–IV.

рии центральной части Италии¹⁰. Среди великого множества инициалов, воспроизведенных в труде Гаррисона, удалось обнаружить лишь примеры из двух рукописей, где присутствует названный орнаментальный мотив. Рукопись *Firenze, Bibl. Laurenziana, Plut. 17. 27*, содержащая Четвероевангелие, была создана ок. 1110 г. в римском монастыре св. Цецилии. Ее инициалы Гаррисон относит к той стилистической группе, где особенно явственно сказалось влияние немецкой книжной иллюминации оттоновского периода, но при этом отмечает, что это влияние могло быть опосредовано творчеством мастеров бургундского аббатства Клюни¹¹. Рукопись *Bibl. Apost. Vaticana. Lat. 1992*, содержащая так называемый Римский свод житий св. мучеников, была создана в середине XII в. и обнаруживает черты особых художественных традиций Лукки, сложившихся под сильным французским влиянием. Приведа примеры из этой рукописи и других подобных, Гаррисон поместил вместе с ними, как материал для сравнений, воспроизведения из одной клюнийской рукописи начала XII в. *Bibl. nat., N. A. L. 1496*, одной современной ей предположительно клюнийской и еще одной бургундской того же времени¹².

Говоря о группе рукописей, к которой он отнес названное Четвероевангелие, Гаррисон отмечает, что для их красочной гаммы характерно заполнение ствола букв светло-желтой или размытой красной красками, к которым время от времени добавляются зеленая и синяя¹³. Между тем среди итальянских рукописей того же времени из собрания Национальной библиотеки, где инициалы включают упомянутый мотив ленты или кольца, только одна рукопись, *Lat. 16724*, содержит инициалы, где применен зеленый цвет¹⁴. Автору настоящей работы не удалось обнаружить вообще этот цвет в декорированных рукописях XI–XII вв. из болонского *Collegio di Spagna*. Но в рассматриваемой нами петербургской рукописи наряду с мотивом ленты или кольца зеленый цвет, особенно светло-зеленый, как было сказано выше, в значительной мере определяет общий вид инициалов. Применен он в основном в качестве заполнителя поля плетенки или фонового поля всего инициала, и только голубой цвет не уступает ему в этой роли, а в качестве некоторого дополнения применяется и бордо.

¹⁰ Ср.: *Avril F., Zaluska Y. Manuscripts enluminés ...* Т. 1. Fig. 103, 111, 112, 114, 116 и Fig. 66, 71, 100.

¹¹ *Garrison E. B. Studies ...* 1953. Vol. I. Fig. 5. P. 23.

¹² *Ibid.* Fig. 17, 18, 21–23. P. 31.

¹³ *Ibid.* P. 23.

¹⁴ *Avril F., Zaluska Y. Manuscripts enluminés ...* Т. 1. P. 42. Fig. 71.

Как мы можем видеть на ил. 5 (см. цв. вкл.), такая же роль отведена зеленому и синему цветам в инициалах клюнийских рукописей¹⁵. Что же касается мотива ленты или кольца, то Фернан Мерсье, автор основательного исследования о клюнийской книжной иллюминации, применяет даже термин *клюнийское кольцо* (*bague clunisienne*)¹⁶. Впрочем, в недавно вышедшем сборнике трудов, посвященных книжной иллюминации аббатства Клюни, Жан-Пьер Ариель не преминул лишний раз указать на оттоновские прототипы клюнийских декорированных инициалов¹⁷. Одно из заметных отличий инициалов нашей рукописи от инициалов Клюни заключается в том, что от основной ветви плетенки в клюнийских рукописях обычно отходит несколько ответвлений, оканчивающихся трилистником, и часть трилистников обращена вовне, тогда как в петербургской рукописи обычно мы видим лишь ответвления, закрученные вовнутрь, причем часто плетенка состоит только из двух ответвлений. Тем не менее определенное родство инициалов петербургской рукописи с клюнийскими инициалами представляется очевидным.

Вблизи города Мантуи, о котором ниже пойдет речь, располагался со своим скрипторием, как уже было сказано, богатейший монастырь Сан Бенедетто ди Полироне. В 1077 г. монастырь этот присоединился к конгрегации Клюни, несомненно, в русле общей политики его покровительницы, Матильды Каносской, посетившей накануне аббата Клюни Гуго. В дальнейшем монастырь Полироне оставался единственным клюнийским монастырем в Ломбардии. Автор настоящей работы успел лишь частично познакомиться с кодексами XI–XII вв. из этого монастыря, так как их страницы медленно открывались на сайте *Manocritti Polironiani*. Кодексов с инициалами, во всем похожими на инициалы петербургской рукописи, найти не удалось, тем не менее можно утверждать, что оба отмеченных нами характерных элемента, т. е. мотив кольца или ленты и цветное поле плетенки с включением зеленого, в изученных нами кодексах встречаются нередко (см. цв. вкл., ил. 5). Таким образом, мы получаем некоторое основание для утверждения, что к созданию петербургской рукописи мог быть причастен мастер, работавший в аббатстве Сан Бенедетто ди Полироне вблизи Мантуи.

¹⁵ Ср. цветные воспроизведения в сб.: *L'enluminure à Saint-Pierre de Cluny entre la fin du Xe et le début du XIIe siècle* // *Art de l'enluminure*. 2010. No 33. P. 22, 51, 52, 53, 55, 56, 60.

¹⁶ *Mercier F.* Les Primitifs français. La Peinture clunisienne en Bourgogne à l'époque romane. Son histoire et sa technique / préface de H. Focillon. Paris, 1932. P. 138 *et passim*.

¹⁷ *Ariel J.-P.* Le manuscrit de Cassien et le décor ornemental sous l'abbatit d'Hugues de Semur // *L'enluminure à Saint-Pierre de Cluny* ... P. 63.

3. Глоссы со знаками автора в рукописи Научной библиотеки СПбГУ Lat. 1

В упомянутой статье о нашем кодексе Ветулани отметил прежде всего присутствие в нем пространных глосс Рогерия (ум. ок. 1162) и немногочисленных глосс с авторским знаком его учителя Булгара (напомним, что сам Булгар был учеником Ирнерия, основателя юридической школы в Болонье)¹⁸. Не упустил из виду он и глоссу на л. 88vb, автором которой назван Бозо — имя, которое нигде больше в дошедших до нас юридических рукописях исследователи не встречали. Осмелимся предположить, что автором глоссы был будущий кардинал Бозо (ум. 1178). С 1149 г. он руководил папской канцелярией, и следует заметить, что уже один из его предшественников на этом посту с 1123 по 1141 г., кардинал Аймерик, обращался к Булгару с просьбой написать трактат о судопроизводстве, что и было исполнено. Вполне вероятно, что Бозо уже сам получил основательное юридическое образование у того же Булгара. Кроме названных глосс Ветулани упомянул и глоссы со знаками Карла де Токко (·K·), ученика Иоанна Бассиана, и Гуголина де Пресбитерис (·h·), предполагаемого ученика Иоанна. Ниже мы особо остановимся на творчестве Иоанна Бассиана, который тоже учился у Булгара и даже приобрел славу его прямого преемника. Здесь же отметим, что при неоднократном и достаточно тщательном просмотре маргинальных глосс и значительной части интерлинейрных, которые Ветулани, по всем признакам, не учитывал, автор настоящей работы не обнаружил в рассматриваемом кодексе глосс со знаками его учеников, Карла и Гуголина. Вероятнее всего, Ветулани просто где-то спутал со знаками авторства «красные значки» K и h, написанные в нашей рукописи обычными коричневыми чернилами, ведь в пору публикации его статьи особая функция «красных значков» еще не была раскрыта (специальное исследование Долецалека и Вейганда об этих знаках вышло позднее).

Более внимательный просмотр глосс позволил сделать любопытные наблюдения. В рукописи имеется несколько глосс, содержащих знаки Альберика (.a. или .al.), старшего товарища Иоанна Бассиана, при этом речь идет как о прямом его цитировании, так и о свободном пересказе его мнения (f. 26va, 67va, 128ra, 135vb). Обнаружились маргинальные и интерлинейрные глоссы со знаком Плацентина (.p.), самого яркого ученика Булгара (f. 6vb, 32–33; 66vb; 67va; 67va, 38–39; 68rb, 13–15; 121ra (?); 189ra (?)). Плацентин начал свою преподавательскую карьеру в Мантуе, по некоторым сведениям, уже с середины 50-х гг. XII столетия, а продолжил ее в Монпелье, куда он отправился, вероятно, прямо

¹⁸ *Vetulani A. Un manuscrit du Digeste Neuf ... P. 424.*

из Мантуи между 1162 и 1170 г.¹⁹ Предположительно с 1173 или 1174 г. последовало его двухлетнее преподавание в Болонье и четырехлетнее в Пьяченце, его родном городе, после чего он вернулся в Прованс, где и окончил свои дни²⁰.

Плацентин учился в Болонье, насколько удастся установить, у Булгара, которого он называл не иначе, как «золотые уста» (*os aureum*), и, вероятно, Рогерия, труды которого, в частности, неоконченный *Summa Codicis*, он продолжил²¹. В Мантуе он написал сочинение об основаниях судебных исков, известное современным исследователям под названием *Cum essem Mantuae*, полемический ответ на которое составил Иоанн Бассиан, сменивший Плацентина на кафедре в Мантуе. Эннио Кортесе полагает, что там же написал Плацентин и сочинение об отношении понятий *справедливость* и *право Summula Placuit*, дополнения к которому составил все тот же Бассиан²². Кроме того, исследователи сходятся в том, что в Мантуе Плацентин написал и первый вариант своих дополнений к тому самому комментарию Булгара на последнюю главу Дигест *De diversis regulis iuris antiqui*, древнейший список которого, как отмечено выше, донес до нас петербургский кодекс²³. Нет сомнений в том, что Плацентин писал его с самого начала, если не полностью, то в значительной части в виде отдельного текста с указанием начальных слов комментируемых параграфов, как это следует, в частности, из описания рукописи *Bamberg, Jur. 18*, выполненного Долецаком, ведь в ранних списках комментария Булгара почти не оставалось свободного места на полях²⁴. Весьма вероятно и то, что предварительно он сделал копию комментария Булгара, которую и взял с собой для дальнейшей работы в Монпелье. Но прототипом этой копии вполне могла послужить та самая рукопись, по которой там же в Мантуе был выполнен петер-

¹⁹ Cortese E. Piacentino // Dizionario biografico dei giuristi italiani. Bologna : Il Mulino, 2015. Vol. 2. P. 1568–1569. Относительно времени переселения Плацентина во Францию мнения исследователей расходятся, см. Там же.

²⁰ См.: Gouron A. Juristes et droits savants: Bologne et la France médiévale. Aldershot ; Brookfield, 2000. P. 139 sqq.

²¹ См.: Lange H. Römisches Recht im Mittelalter. Bd. 1 : Die Glossatoren. München, 1997. S. 208.

²² Cortese E. Piacentino. P. 1568–1569.

²³ Bulgari ad Digestorum titulum de diversis regulis iuris antiqui commentarius et Placentini ad eum additiones sive exceptiones / ed. F. G. C. Beckhaus. Frankfurt a/M, 1967. См.: Cortese E. Piacentino. P. 1568 ; Lange H. Römisches Recht ... S. 208 ; Tourtoulon P., de. Placentin. Paris, 1896. P. 211–214.

²⁴ Manuscripta iuridica. URL: <http://manuscripts.rg.mpg.de/item/1417/> (дара обращения: 08.08.2016). Ср.: Vetulani A. Un manuscrit du Digeste Neuf de Leningrade. P. 427–428.

бургский список третьей части *Дигест*, а с ним и список комментария Булгара к последней главе. Есть ряд причин так думать.

Ветулани лишь вскользь упоминает о глоссах Булгара в нашей рукописи. Между тем численно глоссы, снабженные знаком Булгара (.b.), преобладают. Удалось насчитать 59 таких глосс, при том что полный учет интерлинейрных глосс пока провести не удалось, а именно такие глоссы Булгара в нашей рукописи наиболее многочисленны. Из указанного числа 31 глосса вписана между строк, тогда как на полях мы встретили лишь 26 глосс Булгара. Больше всего глосс Булгара посвящены тексту 41-й книги *Дигест* (21), чуть меньше — 43-й, еще меньше, но достаточно много — 46-й. До десятка глосс на полях выполнены рукой главного переписчика текста *Дигест*, и в отношении этих глосс не может быть сомнения в том, что они содержались уже в прототипе рукописи. Следует, однако, заметить, что интерлинейрные глоссы, вообще довольно обильные в нашей рукописи, лишь в исключительных случаях выполнены рукой этого переписчика. Не коснулась рука главного переписчика и комментария Булгара к последней главе *Дигест*.

Решительное большинство глосс Булгара написано одной и той же рукой, причем этой рукой написано и большинство упомянутых выше глосс Рогерия, как и множество анонимных глосс, и весь кодекс буквально испещрен пометами, сделанными той же рукой. Ученый юрист, писавший таким письмом, выполнил и копию комментария Булгара, тогда как комментируемый текст выполнен рукой главного переписчика (рис. 2, ср. ил. 1, цв. вкл.). Нетрудно предположить, что наш юрист не мог доверить рядовому писцу копирование текста комментария, так как последний был написан мало разборчивым письмом и, скорее всего, рукой автора, а не рукой специально обученного писца. То же самое можно думать и об интерлинейрных глоссах, которые именно автору удобно было вписывать, не отрывая свой взгляд от комментируемого текста. Одним словом, можно думать, что прототипом нашей рукописи послужила рукопись, принадлежавшая самому Булгару. Переписчиком глосс и комментария мог быть другой ученик Булгара, который вслед за Плацентином составил свой комментарий к последней главе *Дигест*, посвятив его исключительно тем местам, которые не были затронуты в комментарии Булгара. Таким учеником был Иоанн Бассиан, наследовавший Плацентину в качестве профессора права в Мантуе, а вместе с тем и приобретший репутацию главного преемника Булгара²⁵.

Глоссы Рогерия, старшего по возрасту ученика все того же должителя Булгара, в нашей рукописи почти столь же многочисленны,

²⁵ См. издание его комментария: *Iohannes Bassianus. De regulis iuris / a Severino Caprioli descriptus, a Ferdinando Treggiari recognitus.* Rimini : Maggili Ed., 1983.

как и глоссы Булгара, а вместе с тем и значительно более простран- ны. Большая их часть относится к 39-й, 46-й и 47-й книгам *Дигест*. Удалось насчитать 56 глосс с авторскими знаками Рогерия (·R·, ·F·), причем в отличие от глосс Булгара решительное большинство глосс Рогерия рукой все того же писца комментария Булгара помещены на полях рукописи, и можно предполагать, что большая их часть попала в нашу рукопись уже из некоторой упорядоченной копии авторской рукописи Рогерия. Но кто иной мог бы предоставить в то время такую копию в распоряжение создателей нашей рукописи, как не Плацентин, связанный с Рогерием, согласно некоторым свидетельствам, общим происхождением из Пьяченцы, который по следам Рогерия и ему на смену отправился в Прованс преподавать право, когда Рогерий скончался (ок. 1162), и завершил там важнейший неоконченный трактат последнего? Судя по тесной привязке ряда трудов Бассиана к трудам Плацентина, эти два выдающихся правоведа тоже оставались лично связанными в течение продолжительного времени, чему едва ли могли помешать известные расхождения в их ученых воззрениях. Плацентин выделял Рогерия из всех известных правоведа и, очевидно, не жалея трудов, старался познакомить других с его творчеством.

Следует заметить, что часть глосс Рогерия, особенно в начальной части петербургского кодекса, выполнена письмом несколько иного стиля, более уверенным и ритмичным, хотя и весьма близким к графике тех глосс, где можно усмотреть предполагаемую руку Бассиана. Этим письмом выполнены и все интерлинейрные глоссы Рогерия общим числом шесть. Не исключено, однако, что за вычетом некоторых единичных глосс, где руку писца определить трудно, почти все глоссы Рогерия выполнены одним человеком, но в разные периоды его жизни.

Примечательно, что все интерлинейрные глоссы Рогерия встретились нам только на первых листах кодекса (f. 1ra,25–26; 6ra,6–7; 6rb,4–15, 39–40, 41–42; 6vb, 46–47), где нет записей с несомненными свойствами того письма, которое мы можем приписать Бассиану. Рядом с ними мы встречаем и интерлинейрную глоссу Плацентина (f. 6vb,32–33). Не были ли внесены эти глоссы Рогерия Плацентинном вместе с некоторыми собственными его глоссами уже в основной прототип нашей рукописи непосредственно по следам недолгой преподавательской деятельности Рогерия в Болонье? Но продолжать ряд таких предположений не представляется возможным.

Что касается множества анонимных глосс в нашем кодексе, то часть их могла принадлежать самому Бассиану, ведь автор обычно не указывал свое имя в авторской рукописи — это делали другие, уже переписывая рукопись, которая в ту пору определялась как *Liber magistrī*.

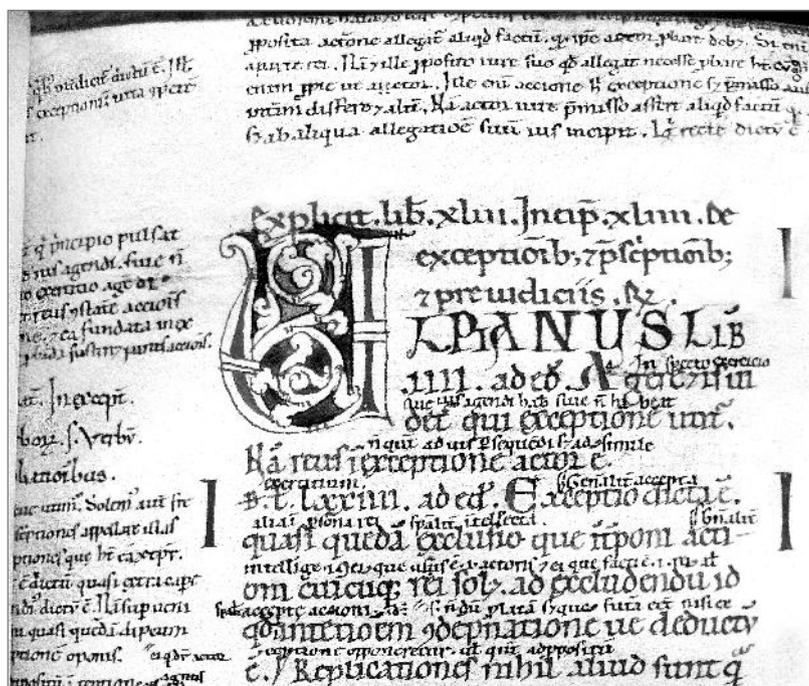

Рис. 1. Изменение стиля письма основного текста в начале второй части рукописи (D.44). SPbSU. Lat. 1, f. 87r

До сих пор издана лишь одна пространная глосса Бассиана к главе *De usucapionibus* (D.41.3)²⁶. К сожалению, мы не обнаруживаем соответствия ей в нашем кодексе, но кодекс был, как мы предположили, написан в Мантуе, а Бассиан потом еще долго преподавал в Болонье, где мог пользоваться другим списком *Digestum novum*, внося в него новые глоссы. Заметим только, что Бассиан серьезно работал над комментированием Дигест, в ранних изданиях трудов глоссаторов дошли введения к двум его специальным комментариям²⁷. Известны четыре рукописи, содержащие глоссы Бассиана к *Digestum Novum*, их сравнительное изучение могло бы пролить новый свет и на глоссы петербургской рукописи.

²⁶ Gualandi G. Glosse preaccursiane al «Digestum Novum» in frammenti membranacei della Bibl. Royale di Bruxelles, Ms. II, 1768 // Atti della Accademia nazionale dei Lincei, Memorie, Classe di scienze morali, storiche e filologiche. Ser. VIII. 1956. Vol. VII, fasc. 6. P. 302–304.

²⁷ Cortese E. Bassiano // Dizionario biografico dei giuristi italiani ... Vol. 1. P. 192.

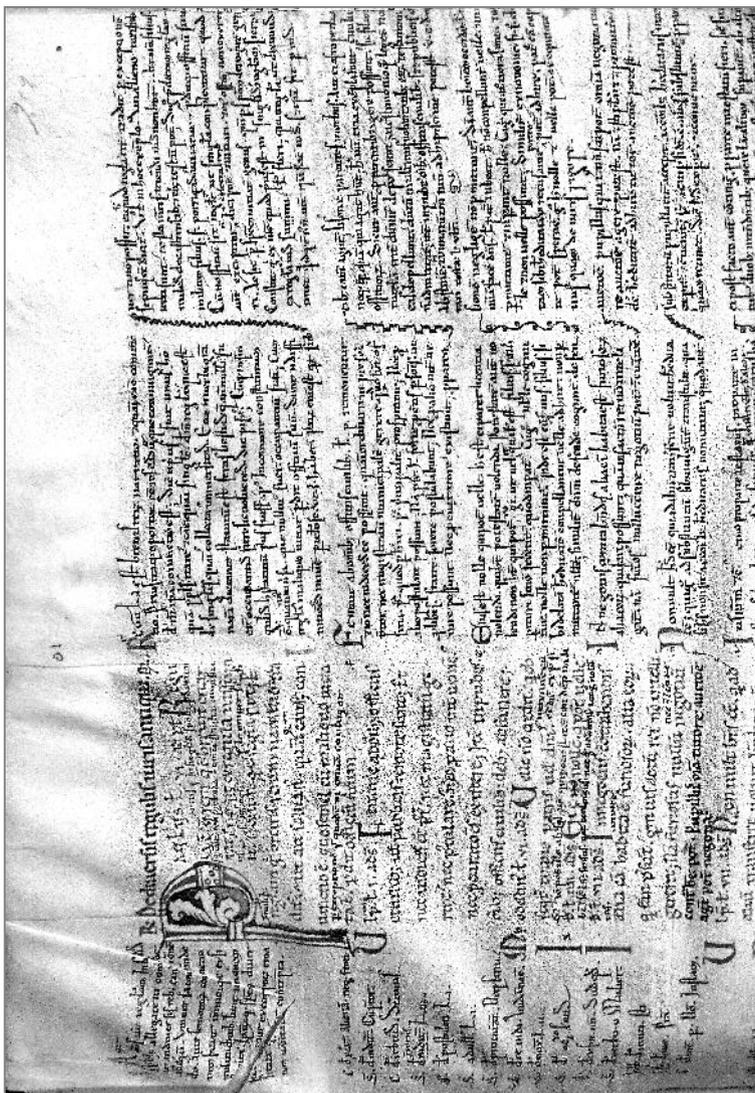

Рис. 2. Начало последней главы Дигест *De diversis regulis iuris antiqui* (D. 50.17) и комментарий Булгара, переписанный, предположительно, рукой Бассиана. СПбСУ. Lat. 1, f. 202r

РЕЗЮМЕ

В статье речь идет о редком даже для мирового рукописного наследия раннем списке *Digestum novum*, в который средневековые юристы включали книги Юстиниановых Дигест с 39-й по 50-ю. Наблюдения автора над составом текста рукописи и помет-комментариев, как и над ее художественным оформлением, приводят к заключению, что кодекс Lat. 1 из Научной библиотеки СПбГУ был создан в Мантуе в 70-е гг. XII столетия по инициативе и при участии Ионна Бассиана, ученика и преемника выдающегося болонского юриста Булгара (ум. ок. 1166), в период его преподавательской деятельности в Мантуе. По характеру глосс, снабженных указанием на автора на полях рукописи или между строк, делается вывод, что создатели рукописи располагали принадлежавшим Булгару списком той же части Дигест с его личными пометами. Почти столь же многочисленные и особенно пространные глоссы юриста Рогерия, начавшего свою карьеру в Болонье, но продолжившего ее на Юге Франции и там скончавшегося ок. 1162 г. или немногим позднее, могли быть заимствованы непосредственно из списка, предоставленного юристом Плацентинном, повторившим судьбу Рогерия, его учеником и преемником и в то же время предшественником Ионна Бассиана на кафедре в Мантуе.

SUMMARY

The article deals with the rare early copy of the *Digestum novum* (*Digest*, books 39–40) for scholarly and educational purposes. The author's analysis of the manuscript's general text structure, as well as that of its ornamentation leads to the conclusion that the codex has been produced at Mantua in the 1170-tees on the initiative and with participation of John Bassianus, the disciple and the academic successor of the Bolognese jurist Bulgarus (ca. 1166). From the character of the glosses which are written on page margins or placed between the lines it was concluded that the creators of the manuscript had a Bulgarus copy of the same text at their disposal, which copy contained the latter's own notes. Nearly so numerous as these of Bulgarus, but much lengthier and written mostly on page margins, the glosses of Rogerius can be drawn from the copy provided by the jurist Placentinus who was a successor of Rogerius (ca. 1166 or a little later) at the law schools of the South France after his teaching in Mantua.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Средневековые рукописи, датировка и локализация, рецепция римского права, школы права, ранние юристы-глоссаторы.

KEYWORDS

Medieval manuscripts, localization and dating, reception of Roman law, law schools, early glossators.

БИБЛИОГРАФИЯ

REFERENCES

Мурьянов М. Ф. Пять рукописей Корпуса Юстиниана в собрании Ленинградского университета // ВВ. 1967. Т. 27. С. 308–309 (*Mur'yanov M. F. Pyat' rykopisej Korpusa Yustiniana v sobranii Leningradskogo universiteta // Vizantijskij vremennik. 1967. T. 27. S. 306–309*).

Avril F., Zaluska Y. Manuscrits enluminés d'origine italienne. T. 1 : VIe–XIIe siècle. Paris : Bibliothèque nationale, 1980.

Dizionario biografico dei giuristi italiani. Bologna : Il Mulino, 2015. Vol. 1–2.

Dolezalek G. R. Raumgestaltung auf Blatträndern juristischer Studientexte im 12. Jahrhundert // Codex und Raum / hrsg. v. S. Müller, L. E. Saurma-Jeltsch und P. Strohschneider. Wiesbaden : Harrassowitz Vlg., 2009. S. 185–194.

Dolezalek G., Weigand R. Das Geheimnis der roten Zeichen. Ein Beitrag zur Paläographie juristischer Handschriften des zwölften Jahrhunderts // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Kanonistische Abteilung. 1983. Bd. 69. S. 143–199.

Irnerio. URL: <http://irnerio.cirsfid.unibo.it/>

Garrison E. B. Studies in the history of Medieval Italian Painting. Florence : L'Impronta, 1953–1962. Vol. I–IV.

Gouron A. Juristes et droits savants: Bologne et la France médiévale. Aldershot ; Brookfield : Ashgate, 2000.

Gualandi G. Glosse preaccursiane al «Digestum Novum» in frammenti membranacei della Bibl. Royale di Bruxelles, Ms. II, 1768 // Atti della Accademia nazionale dei Lincei, Memorie, Classe di scienze morali, storiche e filologiche. Ser. VIII. 1956. Vol. VII, fasc. 6. P. 289–342.

La Bibliothèque virtuelle des manuscrits médiévaux (BVMM). URL: <http://bvmm.irht.cnrs.fr/>

Lange H. Römisches Recht im Mittelalter. Bd. 1 : Die Glossatoren. München : C. H. Beck, 1997.

L'enluminure à Saint-Pierre de Cluny entre la fin du Xe et le début du XIIe siècle // Art de l'enluminure. 2010. No 33.

Manocritti Polironiani. URL: http://digilib.bibliotecaresiana.it/index_poli.php

Manuscripta iuridica. URL: <http://manuscripts.rg.mpg.de/manuscript/>

Mercier F. Les Primitifs français. La Peinture clunysienne en Bourgogne à l'époque romane. Son histoire et sa technique / préface de H. Focillon. Paris : Editions A. Picard, 1932.

Speciale G. La memoria del diritto comune. Sulle tracce d'uso del Codex di Giustiniano (secoli XII–XV). Roma : Il cigno Galileo Galilei, 1994.

Tourtoulon P., de Placentin. Paris : Chevalier-Marescq, 1896.

Vetulani A. Un manuscrit du Digeste Neuf de Leningrade // Studi in onore di Giuseppe Grosso. Torino : G. Giappichelli ed., 1972. Vol. V. P. 421–431.